

Константин Симонов

Случай с Плыниным

ФТМ

Константин Симонов
Случай с Польшинным

«ФТМ»

1969

Симонов К. М.

Случай с Польшиним / К. М. Симонов — «ФТМ», 1969

ISBN 978-5-4467-0456-9

«... С этим третьим гансом вышло так, что Польшин, потеряв своих, неудачно напоролся на него один на один, уже израсходовав до этого весь боезапас. Ганс, судя по первым же его маневрам, был крепкий орешек. Стрелять по нему нечем, а начнешь выходить из боя – зайдет в хвост и свалит! Но откуда ему знать, что у тебя кончился боезапас? Польшин решил не выходить из боя и маневрировать, пока ганс сам не выдержит и не пойдет первым к себе домой. Но у этого ганса, видимо, были крепкие нервы, он все не выходил и не выходил из боя и действовал так нахально, что у Польшина даже на секунду мелькнула мысль: не догадался ли ганс, что тебе нечем его сбить? В конце концов на одном из разворотов ганс все же оплошал, и Польшин зашел ему прямо в хвост почти вплотную. Одна очередь – и все! Если б было чем... Тут-то Польшин и пошел на таран...»

ISBN 978-5-4467-0456-9

© Симонов К. М., 1969

© ФТМ, 1969

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Михайлович Симонов

Случай с Польшинным

1

Седьмого ноября сорок первого года полковника Польшина выписали из госпиталя, где он пролежал десять дней с растяжением сухожилия правой ноги. Подняв от ветра воротник кожанки и опираясь на палочку с разноцветным плексигласовым набалдашником, которую ему прислали в госпиталь механики, он вышел на крыльцо и несколько минут стоял, принюхиваясь к погоде. Серое мурманское небо висело над самыми крышами, шел снег, видимости почти не было. Польшин подумал, что при такой погоде немцы не полетят на Мурманск, да и наши навряд ли пойдут на бомбежку. Значит, летчикам его полка не придется сегодня ни прикрывать город, ни летать на сопровождение.

К подъезду госпиталя подошла «эмка»; рядом с водителем, упираясь головой в крышу «эмки», сидел Грицко – начальник штаба полка и ближайший друг Польшина.

– А мы у приемного покоя вас ждали, – сказал Грицко, нагибая голову и вылезая навстречу Польшину. – Садитесь вперед, товарищ полковник, меньше трясти будет.

Польшин пожал руку Грицко, положил на переднее сиденье «эмки» палочку и осторожно сел рядом с водителем.

– Здравствуйте, Горбунов.

– Здравствуйте, товарищ полковник. С выздоровлением вас.

– Выздоровление еще не полное, – сказал Польшин. – Врачи пока вылетать запретили. Как в полку? – повернул он голову к Грицко, когда «эмка» тронулась.

– В полку порядок, – сказал Грицко. – Вчера ганса сбили.

– Сбили или записали?

– Сбили. С подписью и печатью – прямо на улице, около гостиницы «Арктика», на асфальт положили.

– А как соседи? – ревниво спросил Польшин.

Соседями полка по аэродрому были две эскадрильи англичан. Они летали на «харрикейнах». Летчики польшинского полка с помощью англичан первыми осваивали здесь эти начавшие прибывать по лендлизу английские истребители.

– Соседи тоже один сбили. Брюс сбил. Не сам Брюс, а его брат, долговязый.

– Не долговязей тебя.

– На сантиметр, мы два раза с ним мерились.

– Вижу, вам делать было нечего, – улыбнулся Польшин.

Теперь, когда он возвращался в полк, его радовало все: и немец, сбитый нашими, и немец, сбитый англичанами, и то, что сзади него сидит Грицко, с которым они воевали еще в Испании, и то, что Грицко мерился ростом с этим Брюсом, который уже сбил здесь, в Мурманске, трех гансов, или, как они называли их по-своему, «джерри».

– Позавчера погоды не было, – сказал Грицко, – ходили в гости к англичанам, вот и померились.

– А еще какие новости? – спросил Польшин.

– У нас больше никаких, – сказал Грицко, – а у вас есть. – И он через плечо Польшина протянул своей длинной рукой номер «Красной звезды» за четвертое ноября. – Посмотрите на второй странице.

Польшин развернул газету и, увидев свою фамилию, стал читать.

– Хотите, товарищ полковник, мимо «Арктики» поедем, сбитого «мессера» посмотрите? – спросил водитель.

– Что, я их не видел, что ли? – сказал Польшин, не отрываясь от газеты.

В статье под названием «Мурманское небо» описывался тот самый воздушный бой Польшина, после которого он, сев на вынужденную, растянул сухожилие и попал в госпиталь. Польшин и сам знал, что этот бой был из ряда вон выходящий, но корреспондент расписал его так, что чтение статьи вогнало Польшина в краску.

В общем-то в статье все было фактически верно. Действительно, тогда, 27 октября, Польшин вылетел в этот бой очень злой. С самого утра гансы прорвались к Мурманску и успели сбросить почти все бомбы, потеряв только один «юнкерс». Польшину был за это «нагар», а после «нагара» ему еще предложили взять обратно рапорт о переводе на Западный фронт в истребительную авиацию, прикрывавшую Москву. Об этом Польшин корреспонденту не рассказал, но вообще корреспондент верно написал, что Польшин был злой и хотел рассчитаться с гансами, когда они в тот же день сделали еще один налет на Мурманск.

Корреспондент описал, как Польшин сбил в этом бою трех гансов. Сначала, прямо над Мурманском, сбил коллективно, вместе с Грицко, «юнкерс», потом во время преследования, над линией фронта, сбил «Мессершмитт-109». И, уже возвращаясь домой, таранил еще один «мессершмитт».

С этим третьим гансом вышло так, что Польшин, потеряв своих, неудачно напоролся на него один на один, уже израсходовав до этого весь боезапас. Ганс, судя по первым же его маневрам, был крепкий орешек. Стрелять по нему нечем, а начнешь выходить из боя – зайдет в хвост и свалит!

Но откуда ему знать, что у тебя кончился боезапас? Польшин решил не выходить из боя и маневрировать, пока ганс сам не выдержит и не пойдет первым к себе домой.

Но у этого ганса, видимо, были крепкие нервы, он все не выходил и не выходил из боя и действовал так нахально, что у Польшина даже на секунду мелькнула мысль: не догадался ли ганс, что тебе нечем его сбить?

В конце концов на одном из разворотов ганс все же оплошал, и Польшин зашел ему прямо в хвост почти вплотную. Одна очередь – и все! Если б было чем... Тут-то Польшин и пошел на таран...

Все это корреспондент описал примерно так, как оно и было в жизни и как ему говорил в госпитале сам Польшин. Но дальше в статье было про чувства и мысли Польшина в те минуты. Польшин ничего не говорил про это корреспонденту, и тот все написал сам из головы – и про неистребимый гнев, который бушевал у Польшина в сердце, и про его мысли о столице нашей Родины Москве, в бой за которую он пошел в мурманском небе на этот свой таран. Хотя как раз в те минуты Польшин ничего такого не думал.

В это утро он действительно несколько раз вспоминал о своем рапорте, о Москве и о том, какие там плохие дела; и ему из-за этого еще сильнее хотелось попасть туда и драться с гансами там, а не здесь.

Но все эти мысли были утром, на земле. А в воздухе, уравнивая скорости и видя прямо перед собой хвост ганса, идя на таран, он думал только об одном: как бы поаккуратней, сделав секунднй рывок вперед, коснуться, всего только коснуться своим винтом хвостового оперения ганса, чтобы он посыпался, а ты остался.

Дальше корреспондент опять описал все близко к истине: и как Польшин почувствовал после удара, что винт все же покорежило и мотор так дробит, что долго на нем не пройдешь – может отвалиться, и как он не стал выбрасываться, потому что ветер дул в сторону немцев, и вместо этого решил тянуть на вынужденную, и все же дотянул, сел на лед небольшого озера около передовой, и как его там отыскивали только ночью, и как он чуть не пострелял из пистолета своих, считая, что сел у немцев. Но в самом конце статьи шел целый столбик, который и вогнал

в краску Польшина. Чего тут только не было: и про Суворова, и про Кутузова, и про нашу спокойную русскую храбрость, и про то, что с такими, как Польшин, победа над фашизмом не за горами!

Польшин в глубине души считал, что если у нас все на круг будут летать не хуже, чем он сам и его ребята, и если мы вместо «ишачков» поскорей получим побольше новых машин, таких, как МИГи или даже «харрикейны», то в воздухе мы не пропадем, во всяком случае в части истребительной авиации. Но слова корреспондента, что бой 27 октября – это поучительный для всех образец героизма, смутили Польшина.

Когда он сам вспоминал об этом бое или разговаривал о нем с другими понимающими людьми, то честно считал, что как раз в этом бою далеко не все было поучительно, начиная с того, что к концу боя он потерял из виду всех своих ребят. А главное, он против обыкновения непростительно погорячился, израсходовал на второго ганса весь свой боезапас и из-за этой собственной ошибки ему, по сути, и пришлось потом, встретив третьего ганса, рисковать всем и идти на таран.

Но с другой стороны, конечно, на таран надо было решиться. И он про себя знал, чего оно стоит, такое решение, когда принимаешь его сознательно.

Это был факт, что он все же решился пойти на таран, и сбил ганса, и не упал сам, а дотянул и сел. Он знал, что за этот бой его представили к Герою Советского Союза, и был очень рад этому. Тем более что представления на него уже два: раза зажимали. Один раз – после Испании, потому что он крепенько и не вовремя полаялся с начальством, а второй раз – после Халхин-Гола; тут уж он и сам не знал почему.

Несмотря на свои честные рассуждения, что в этом бою не было ничего особо поучительного, Польшин все же чувствовал себя героем дня. И, дочитав до конца написанную про него статью, не удержался и тут же стал читать ее во второй раз.

– Может, заедешь? – тронув Польшина за плечо, на ухо сказал Грицко.

Польшин посмотрел в стекло, они проезжали мимо здания театра. Водитель вопросительно повернулся к нему, но Польшин буркнул: «Давай на аэродром» – и снова уткнулся в газету.

Однако теперь он уже не читал статью, а думал о той свалившейся на него то ли удаче, то ли беде, на которую намекал Грицко. Как ни называй, а факт остается фактом: он неожиданно для себя влюбился, да еще нашел в кого, в актрису из приехавшей сюда московской фронтовой бригады. Все это началось с концерта в их полку, продолжалось в госпитале, а где и какой этому будет конец, не скажут и синоптики.

Эта актриса сразу понравилась ему с первой же сценки, которую она исполняла. Она играла студентку и показалась Польшину совсем еще молодой. Пока он смотрел эту пьеску, ему все время хотелось, чтобы она покрепче дала от ворот поворот окопавшемуся в тылу сукину сыну, который приставал к ней там, на сцене.

Потом, после пьески, она читала стихи и показалась Польшину уже не такой молодой, но очень красивой. А когда после концерта летчики устроили для артистов товарищеский ужин в землянке летного состава, она – ее звали Галина Петровна, – усталая после концерта, одетая в черное платье, с накинутым на плечи полушубком, начала петь низким негромким голосом одну за другой русские и украинские песни, цыганские романсы, «Раскинулось море широко...», а потом все, что попросили. Она не ломалась, не ждала, чтоб ее уговаривали, а пела и пела. Глаза у нее были черные, печальные, пела она, подперев щеку рукой, словно пригорюнясь, и казалось, думала все время о чем-то чужом и далеком.

Здесь и наступило самое опасное: Польшину вдруг стало жаль ее, захотелось спросить, почему она так отзывчива к их просьбам и в то же время так невесела, что с ней такое и как она жила до того дня, когда он, Польшин, увидел ее у себя в полку.

– А это я спою для вас, товарищ полковник, – сказала она, когда ужин кончился и все уже собрались вставать. И, глядя прямо в глаза Польшину своими черными печальными глазами, спела песню о рябине, которой никак не перебраться к дубу. Ее лицо было так близко от лица Польшина, что казалось, она говорит с ним и ему тоже надо что-то сказать в ответ ей: неужели и правда нельзя рябине перебраться к дубу? Неужели правда, так ей век одной и качаться?

Когда она кончила петь и встала, он тоже встал и вдруг через стол поцеловал ей руку, чего за ним не водилось.

Потом артистов провожали до машины. Они в несколько голосов шумно приглашали летчиков приезжать в Мурманск, на спектакль, который они будут играть через неделю в городском театре, а Галина Петровна все молчала и, только уже садясь в машину, протянула Польшину руку и вздохнула, словно хотела что-то сказать, но не решилась.

На следующий день был тот самый бой, а еще через день, поздно вечером, когда в госпиталь уже никого не пускали, в палату к Польшину вошла медсестра и за ней Галина Петровна в белом халате.

– Я не могла к вам раньше, – сказала она так, словно обязана была прийти к нему раньше. – Мы уезжали с концертами к морякам в Ваенгу, и я все узнала там только сегодня днем. Приехала к вам прямо оттуда, видите, даже как следует не разгримировалась... Вот видите. – Она потрогала себе висок и показала ему пальцы, на которых остались пятнышки грима. – Наговорили там про вас всякие ужасы! А здесь сказали, что ничего опасного! Это правда не опасно? Как вы себя чувствуете? – спрашивала она, садясь на табуретку рядом с его кроватью.

Польшин, смущенный тем чувством, которое он испытал от ее прихода, сказал, что не опасно, да и вообще ничего особенного, и неуклюже спросил: как это ее пустили в такой поздний час?

– А я сказала, что мне очень нужно к вам, – просто ответила она. – И, видите, поверили. А вы верите?

Он ответил, что верит. Да, по правде говоря, не хотелось отвечать ничего другого.

Потом она навестила его утром, когда у него сидел Грицко, хмурый, все еще молча переживавший, что они в том бою потеряли из виду своего командира полка. Но, хотя и стесняясь присутствия Грицко, Польшин все равно не мог отвести глаз от Галины Петровны все время, пока она сидела рядом. Она была очень красивая в белом халате, с гладкими блестящими черными волосами. Польшин заметил в них несколько седых волосков и ему понравилось, что она не прячет эти седые волоски и что волосы у нее причесаны гладко и просто, с маленьким пучком сзади.

– У меня раньше знаете какие косы были, – сказала она, заметив, что он смотрит на ее волосы, – до колен, – притронулась она к своим коленям. – А потом пришлось срезать, потому что когда надеваешь парик, то нельзя, чтобы под ним были слишком длинные свои волосы. Видите, как приходится мучиться нашему брату, чтобы представлять на сцене.

Сказав «нашему брату», она улыбнулась; улыбка у нее вышла добрая, но печальная, и, глядя на ее узкие плечи, Польшин снова испытал чувство жалости к ней.

Когда она ушла, пересидевший ее Грицко, как только закрылась дверь, сказал:

– А цыганочка-то влюбилась в тебя, Николай! Имеешь надежды.

– Дураков нет, – ответил Польшин, хотя ему было приятно услышать то, что сказал Грицко.

Она приходила в госпиталь каждый день. И если Польшин бывал один, подолгу сидела рядом, взяв его руку в свои, и молча смотрела на него. Потом вдруг, засуетившись, начинала вынимать из полевой сумки книги и журналы и читать из них стихи.

– Вам непременно нужно знать эти стихи, – говорила она, хотя Польшин не любил стихов и не знал, зачем ему нужно знать их.

– Вы чувствуете стихи, – говорила она. – Вы только мало читали их до сих пор, но вы их чувствуете, а это уже от бога! Нравятся вам эти стихи?

Он не знал, нравятся ему эти стихи или не нравятся. Но ему нравилось, как она их читает, и нравилась она сама, и поэтому он, не вдаваясь в подробности, отвечал: «Да, нравятся».

Два раза, когда она сидела у него, за ней приходили из других палат и просили ее пойти туда почитать стихи раненым. И она уходила и читала там стихи, а потом снова возвращалась к Польшину.

Последние два дня до его выписки из госпиталя она не приходила. А когда лежишь в госпитале – считай день за три. Даже больше. Она не приходила, а он ждал и скучал из-за этого так, что даже зло брало на самого себя. На второй день вечером он не удержался и спросил у сестры, где сейчас артисты. Сестра сказала, что артисты уехали на несколько дней на корабли, в Полярное. Потом ушла в дежурку и вернулась, неся в руках письмо.

– Галина Петровна просила передать вам, только если вы сами спросите, почему ее нет. – Сестра сочувственно посмотрела на Польшина. Она была полная, красивая и не такая уж немолодая женщина, и Польшин нравился ей самой, но еще больше нравился ей этот происходивший на ее глазах роман, о котором она после дежурства каждый вечер подолгу разговаривала с другими женщинами.

Польшин разорвал конверт. Письмо было написано карандашом. «Значит, вы все-таки спросили про меня. Когда после того вечера у вас в полку мне вдруг сказали, что вы в госпитале, я неожиданно для самой себя так испугалась, что все бросила и примчалась к вам. И хотя вы очень удивились, я все равно стала ходить к вам... Когда я вернусь в Мурманск, вы уже выпишетесь из госпиталя. И я не буду знать, что делать с собой. Наверно, я полюбила вас. Струсил сказать. Написать все-таки легче. Если это не так важно для вас, просто-напросто не отвечайте. Фотографию или очень берегите, или сразу порвите».

Прочитав про фотографию, Польшин заглянул в конверт и вынул оттуда любительскую карточку с обтрепанными краями. Галине Петровне было на этой карточке лет семнадцать, она была снята в какой-то роли. На шею у нее был накинут платок, концы которого она сжимала в кулаке. Польшин подумал, что сейчас она красивее, чем на этой фотографии. Почему она именно эту фотографию вложила в свое письмо?

Польшин долго сидел на койке, глядя на странную, полудетскую фотографию Галины Петровны и думая, что же ему делать теперь, после того как Галина Петровна написала, что любит его. Простодушная вера правдивого человека в правдивость других людей не позволяла ему сомневаться. Он сам никогда бы зазря не написал и не сказал такую вещь. Да и если бы не так – зачем это письмо, зачем тогда в полку смотрела в глаза и пела для него, а потом прибежала в госпиталь? Он не сомневался, что это правда, он просто не знал, что делать.

Он думал об этом тогда, держа в руках ее письмо, думал об этом и сейчас, когда решил, не заезжая в театр, двигаться прямо на аэродром. Речь шла не о чем-нибудь другом, а именно о любви, то есть, по его понятиям, о том, чтобы он женился на Галине Петровне. А для чего еще такое письмо, если не для этого?

Проваландавшись до войны в холостяках, он с тех пор, как началась война, вообще не думал жениться раньше чем она кончится. И уж, конечно, ему никогда не приходило в голову, что он может жениться на артистке, да еще сейчас, во время войны.

Однако она написала ему свое письмо именно сейчас, а не после войны, и ему сейчас надо было решать, как быть. Он был холост и мог завтра же сказать ей: «Выходите за меня замуж». Правда, мать-старушка, наверное, и слышать не захочет, чтоб он женился на артистке, но на четвертом десятке с такими вещами мало считаются.

Подумав о своих годах, он вспомнил о годах Галины Петровны. На вид ей было лет двадцать семь, но она еще в первый вечер в полку сказала ему, что они ровесники – ей тоже тридцать два. Никто ее не спрашивал, сказала сама, и это понравилось тогда Польшину. Но сейчас

он вспомнил, что во время их встреч она говорила о чем угодно, кроме своей личной жизни. Не ждала же она до тридцати двух лет того дня, когда напишет Польшину эту свою записку.

«Что у нее там было? – ревниво думал Польшин. – Наверное, что-нибудь такое, о чем и говорить неохота. А может, она и сейчас замужем? И может, ее муж какой-нибудь из этих артистов, которые ездят вместе с нею и которые все держатся между собой так по-товарищески, что у них не разберешь, кто, кому и кем приходится?»

Правда, вроде не похоже на это, но тогда, может, муж у нее не здесь, а где-нибудь в Москве или в эвакуации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.